

Коммунар 2 Тульск



# ЛЕЙТМОТИВ — ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО (Штрихи к портрету актера)

Конечно же, это интересные классические образы... Например, Освальд в «Привидениях» Г. Ибсена, Эдгар в «Короле Лире» В. Шекспира, Паратов в «Бесприданнице» А. Островского, Черкун в «Варварах» М. Горького. Целые поколения выдающихся русских актеров вкладывали в эти образы свой талант и опыт. Яркие характеры, типичные для того, давно минувшего, времени блистали на подмостках театров, потрясая умы и сердца. Какому актеру не хотелось играть эти роли? Мечтал сыграть их и паренек из рабочего поселка «Восемь лет Октября», что раскинулся в Серпухове у Новоткацкой фабрики. Правда, родителям Коли, ветеранам Новоткацкой, грезились другие — диплом инженера казался им солидней и надежней. Ведь родители всегда хотят своим детям только добра, спокойной, безбедной жизни... И уговорили. Поступил парень в авиационно-инженерный институт. Но огни рампы будоражили душу, притягивали властно. И перетянули из инженерного института в театральный.

Васька Пепел в пьесе Горького «На дне» стал для Николая Казакова дипломным образом. А потом были и Освальд, и Эдгар, и Паратов... Театральные рецензенты хвалили молодого актера: «Н. Казакову удалось...», «Н. Казаков по-своему осмыслил...», «Н. Казаков проник в глубины...» Как водится, отмечались и недостатки. Но наиболее придрочивым судьей для себя был сам Н. Казаков. Он понимал, что глубины актерского мастерства необъятны и не измеряются длиной хвалебных отзывов.

Он любил классическую драматургию, но был убежден, что господствовать в советском искусстве должен образ современника, человека интеллектуального и физического труда. Как сказал поэт Михаил Лыков:

Греми во главе наступающих лет,  
Строкой и душой  
современясь...

К своим «кордным» ролям Николай Казаков шел с дальних подступов. Может быть, это был образ монтажника из кинофильма «Карьера Димы Горина» (Горьковская киностудия), может быть, Игорь из спектакля Тульского ТЮЗа

«Заводские ребята» по пьесе И. Шура. Или Святослав в «Неравном бою» В. Розова. От роли к роли молодой артист накапливал не только опыт сценического мастерства, он постепенно вживался в характер современника, того самого, которого обычно называют «простой советский человек» и который совсем не прост, а, напротив, сложен и глубок.

Игорь и Святослав, воплощенные в живые образы Н. Казаковым, каждый в своем спектакле вели борьбу с мелкотравчатостью и обывательщицей, поднимая, словно знамя, такие понятия, как партийность, прямота и честность, свойственные людям советского образа жизни.

К роли журналиста Егора Королева в пьесе Л. Жуховича «Возраст расплаты» Н. Казаков пришел, имея солидный багаж актерского мастерства и жизненных наблюдений. К тому времени он уже был в составе труппы Тульского драматического театра имени Горького. Спектакль готовили с подлинным творческим подъемом. Но в процессе работы всплыло много вопросов, которые не решаются легко.

Советский журналист — что это такое: профессия или подвиж? В распоряжении актера богатого подсобного материала не было. Не так много эталонов нашлось в произведениях литературы и искусства. Да и надо ли здесь ориентироваться на эталоны? Гораздо полезнее самому ухватиться за ту ниточку, которая поможет добраться до драгоценного клубка...

Итак, на рабочий стол арти-

ста легла роль журналиста Королева. Как и что играть? В характере героя пьесы просматривалась кристальная честность, можно сказать, подвижничество. Значит, ни сучка, ни задоринки, все в розовом и голубой нимб над головой? Вспомнились слова выдающегося театрального деятеля Н. П. Акимова: «Зажигая лампаду перед образом современника, мы не добьемся его яркого освещения». Да, по неосторожности образ можно поставить на котурны. А таков ли Королев?

Герой пьесы обнажает свое острое партийное оружие против опасного для общества Хворостуна. Удар сильный, как говорят, на поражение. Но тут возникает явление многостороннего рикошета. Хворостун считается соавтором нового медицинского препарата. Взрывная волна от фельетона Королева задевает авторитет другого ученого, бросает тень на препарат и на самого автора фельетона. Егор Королев глубоко переживает свою ошибку, хочет что-то поправить.

Артист Николай Казаков не зажег лампы перед ликом своего героя, но и не унижал Королева в беде, не заземлил образ. Казаков играл Убежденность и Человечность. Спектакль стал спектаклем Казакова — Королева, где актер об руку с героем познает глубину, сложность и противоречия жизни. В газетах писали: Николай Казаков «...отыскивает в человеческой душе самое существенное, самое важное, что составляет суть человеческого характера... Следить не только за тем, что делает пер-

сонаж, а за тем, о чем он думает, о чем молчит...»

Так через художественное жизнеощущение артиста зрители познакомилась с журналистом Егором Королевым, современным молодым человеком, стоящим на переднем крае борьбы за коммунистическое общество.

Подступы к образу современника, несмотря на кажущуюся доступность (герой — свой человек, живет и работает рядом), на самом деле берутся штурмом, с большим напряжением творческих сил. И каждая новая победа — это подступ к следующему штурму. В этом убедила актера Казакова роль инженера Чешкова из пьесы И. Дворецкого «Человек со стороны». В то время (ноябрь 1972 года) пьеса звучала очень актуально как одна из первых попыток драматургов создать образ молодого руководителя современного производства.

Роль инженера Чешкова, так же как и предыдущая роль журналиста Королева, вписалась в актерскую индивидуальность Казакова с такой точностью, словно создавалась специально для него. Позже один из театральных критиков говорил: «Кажется, Чешков где-то жил в сознании актера, так органически слились они — актер и его герой». Но то, что «казалось» критику в готовом спектакле, совсем не казалось артисту Казакову, когда он впервые прочитал роль.

— Мы долго не знали, как подступиться к роли Чешкова, — говорит Николай Алексеевич. — От кого идти? От Павки Корчагина?

Литературные аналогии в

какой-то мере приближали Казакова к истине, но конкретного, осязательного образа не вызвали. И вдруг мелькнуло воспоминание.

— Давно это было. Гонял я плоты на большой реке. И управлял нами прораб...

Какое могло быть сравнение: образованный инженер Чешков и тот не слишком грамотный прораб-плотгон? Общее виделось в характере. Всегда под открытым небом, озябший, но одержимый познанием труда, беспощадный к себе и другим, прораб цементировал коллектив, делал его боеспособным. Так нашлась живая зацепка, «печка», от которой актер шагнул в роль.

Спектакль состоялся. Зрители горячо интересовались тем, что происходит на сцене. Инженер пришел на завод и принес с собой освежительную грозу. Стали отмирать планерки-накачки («Нениженерный разговор...»), Чешков повел борьбу с эксплуатацией оборудования «на износ», тонку плана «во что бы то ни стало» заменила разумная организация труда с учетом перспектив развития завода.

Образ, выношенный Казаковым в долгих и порой противоречивых раздумьях, заиграл на сцене, понес в зрительный зал свое обаяние, свою резкость, свою непримиримость.

И артиста поняли. На одной из зрительских конференций газосварщик Валуев сказал:

— Не всякая доброта ведет к добру, является благом. Прежний, до Чешкова, начальник цеха никому из рабочих ни в чем не отказывал, но его доброту эксплуатировали, а дела в цехе шли ни шатко ни

валко. Иногда нужно быть жестким, чтоб сделать людям добро. Именно такую линию ведет Чешков, доброта которого не имеет ничего общего с развращающими коллектив побрякками и послаблениями.

Одна из участниц зрительской конференции поинтересовалась, на каком заводе проходил стажировку исполнитель роли инженера Чешкова артист Казаков? Настояще достоверным показался ей сценический образ.

Николай Казаков не делит роли на главные, второстепенные и третьестепенные. Все роли в пьесе главные, — таков закон драматургии и театра. Не будет спектакля, если хоть один актер отнесется к своей

роли, как к малозначительной, не создаст образа, а лишь прочитает текст со сцены. Н. Казаков старается флигранно отработать каждую роль. Недавно он порадовал туляков небольшой, но интересной ролью Рамиза в спектакле «Поход на льва» Рустам Ибрагимбекова. Рамиз при поверхностном общении с ним — «плохой человек». Малопинтеллектуален, груб, просто здоровяк-спортсмен. Конфликтующий с Рамизом по ходу действия Мурад — преуспевающий интеллигент — по видимому «хороший человек». Но куда девается «хорошость» Мурада, когда в финале Рамиз изобличает его в трусости, в неумении освободиться от оков благополучной быта-

тельщины, в неспособности отстоять даже перед самим собой свою благородную любовь к чужой жене. В этом эпизоде Н. Казаков как бы приподнимает образ Рамиза над Мурадом с его интеллигентностью, лишенной мужества, делает роль емкой, значительной. Можно перечислить много «второстепенных» ролей Н. Казакова, которые тем не менее запали в сердца зрителей. От Аполлодора в «Цезаре и Клеопатре» Б. Шоу до колхозного пареня в «Характерах» В. Шукшина. Творческий диапазон артиста широк.

Николай Алексеевич Казаков молод, талантлив, энергичен, полон замыслов. Ему присвоено звание заслуженного артиста РСФСР. Зрители, встретившие это сообщение с большим удовлетворением, ждут от актера новых ярких работ.

С. ЮДКЕВИЧ.